

Дмитрий Кузьмин
К функциональной типологии посвящений

Вплоть до последнего времени посвящение — и особенно современное, редуцированное до минимума сравнительно с развёрнутыми текстами-посвящениями эпохи Ренессанса, — воспринималось как отсылка к сфере авторских мотиваций и далее в область писательской биографии, психологии творчества etc. Обычные вопросы, обсуждающиеся применительно к посвящению, — это вопрос о том, почему и зачем автор посвятил данный текст данному лицу (если это лицо обозначено явным образом), или вопрос о том, кому именно посвящен текст, если валентность посвящения замещена инициалом, криптонимом и т. п. Представляется методологически важным рассмотреть посвящение как элемент художественного текста¹ в его интегральной целостности, с точки зрения его

© Dmitrii Kuzmin, 2013.

© TSQ № 45. Summer 2013.

¹ Посвящение в нехудожественном (а, например, научном) тексте, по видимому, может функционировать ровно двумя способами. Первый — жест внутри профессионального дискурса — скажем, посвящение ученым своей книги другому ученому, к которому таким образом устанавливается отношение преемственности: например, комментарий Сергея Белова к роману Достоевского «Преступление и наказание» (М.: Просвещение, 1979) посвящен памяти виднейшего специалиста по Достоевскому Аркадия Долинина. Второй — жест, выводящий из профессионального дискурса в приватное пространство автора: «Посвящаю эту книгу моей жене» (Богомолов Н. А. Михаил Кузьмин: Статьи и материалы. — М.: НЛО, 1995), «Моему отцу Иосифу Вениаминовичу Стрижевскому» (Стрижевская Н. И. Письмена перспективы: О поэзии Иосифа Бродского. — М.: Грааль, 1997), «Памяти Вячеслава Малыхина, талантливого экономиста, трагически погибшего в конце 1992 года» (Лейфер А. Э. «Вокруг Достоевского» и другие очерки. — Омск: Комитет по культуре и искусству администрации Омской обл., 1996). Возможны промежуточные и гибридные случаи: так, посвящение книги Ефима Эткинда «Разговор о стихах» (М.: Детская литература,

функциональной нагрузки, которая возникает в том числе и на фоне читательской пресуппозиции относительно коммуникативного характера решаемых посвящением задач, но этим далеко не исчерпывается. Этот вопрос обсуждался нами впервые на круглом столе «Посвящение и адресация в поэтическом тексте», состоявшемся 11 марта 2001 года в цикле круглых столов по современной поэзии «Воскресенье Сапгира», так что различными уточнениями и дополнениями к моим первоначальным соображениям я обязан участвовавшим в том круглом столе Илье Кукулину, Даниле Давыдову, Николаю Виннику и Игорю Сиду.

Обобщающая научная литература по данному вопросу, насколько нам известно, отсутствует, — показательно, в частности, что Ж. Женетт в своём фундаментальном обзоре различных видов паратекста², подробно останавливаясь на истории посвящения, ограничивается в связи с его функциями констатацией того, что «посвящение — это заявление (искреннее или нет) о некоторых отношениях (того или иного рода) между автором и каким-то человеком, группой людей или сущностью»³ (в то же время логика размышлений Женетта относительно функциональной типологии названий⁴, развивающая пионерские работы Л. Хука в этой области, послужила для нас отправной точкой). Возможно, такой взгляд на посвящение исключительно со стороны прагматики текста обуслов-

---

1970) «Светлой памяти Ф. А. Вигдоровой» является жестом личным и отчасти гражданским, но не профессиональным, хотя Вигдорова и была также литератором (однако к стиховедению касательства не имела, и с Эткингом ее связывали личные, а не профессиональные отношения). Ср. также развернутое посвящение: «В знак признательности за правду, не предусмотренную школьной программой, — Валентине Васильевне Бакуровой, преподавателю словесности средней школы № 1 Молотовского района города Жданова Сталинской области» (Барков А. Н. О Булгакове, Маргарите и мастерах социалистической литературы. — Киев, 1990): посвящение комбинирует приватный мотив благодарности школьной учительнице автора с профессиональной декларацией поиска правды, расходящейся с утвердившимися представлениями.

² Genette, Gerard. *Seuils*. — Paris, 1987. — P. 110—133.

³ *Ibid.* — P. 126.

⁴ *Ibid.* — P. 73—97.

лен у Женетта преимущественным вниманием к крупной форме, особенно к роману, и к истории предмета в большей степени, чем к его нынешнему состоянию, — между тем как рассмотрение вопроса о семантике посвящения целесообразно начинать с малой формы: мысль Дж. Холландера о том, что чем короче текст, тем большее значение приобретает для него название⁵, по всей вероятности, можно распространить и на другие элементы перитекста⁶. Следует отметить, впрочем, работу М. аль-Мусави о посвящениях в арабской поэзии XX века⁷, полную интересных наблюдений, чреватых обобщениями, но методологически опирающуюся на дерридианское понимание посвящения как дара и потому, опять-таки, в большей степени обсуждающую авторов в их интенциях и отношениях друг к другу, чем собственно текст и перитекст. Ближе всего подходит к интересующей нас проблематике Р. Чемберс, указывающий, что посвящение, как и другие элементы перитекста (а может быть, и в большей степени, чем другие), не только привязывает текст к социально-историческим обстоятельствам, но и оказывается важным смыслопорождающим и интерпретативным фактором⁸, и далее намечающий некоторые основные дистинкции в области смыслопорождения и интерпретации, однако сосредоточенность на посвящениях у Шарля Бодлера прежде всего заметно ограничивает намеченные перспективы обобщения.

---

⁵ Hollander, John. *Vision and Resonance: Two Senses of Poetic Form*. — NY, 1975. — P. 224—225.

⁶ Хотелось бы между прочим высказаться в пользу этого термина в сравнении с введённым в русский литературоведческий оборот Ю. Б. Орлицким термином «заголовочно-финальный комплекс» (Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. — М., 2002. — С. 564—566), с практически идентичным содержанием: отечественный вариант термина не только громоздок, но и вызывает вопросы явной неряшливостью заглавия (названия) и финала.

⁷ al-Musawi, Muhsin J. *Dedications as Poetic Intersections* // *Journal of Arabic Literature*. — Vol. 31, No. 1, 2000. — P. 1—30.

⁸ Chambers, Ross. *Baudelaire's Dedicatory Practice* // *SubStance*. — Vol. 17, No. 2, 1988. — P. 6.

Наиболее существенной дихотомией при классификации посвящений оказывается, по-видимому, их распределение на посвящения, предполагающие наличие у читателя дополнительной информации об их адресате, и посвящения, предполагающие отсутствие у читателя такой информации. Упрощенно говоря, это посвящения «известным лицам» и «неизвестным лицам»⁹. Разберем сперва первый класс случаев, назвав такие посвящения *социализирующими*.

Стихотворение Натальи Горбаневской (1980) с посвящением «А. Д. Сахарову»¹⁰ предполагает, разумеется, читательское знание о том, что Андрей Дмитриевич Сахаров — одна из ключевых фигур диссидентского движения (приведу только первую и последнюю строфы текста):

И глянул окрест, и душа его...
И грянул оркестр, глуша уязвленную грудь.
И ленинский жест, как прожектор, нашаривал,
кого заглушить, задушить и согнуть.
<...>
И глянул окрест, и душа его...
И глянул другой, уязвлен.
И третий наощупь нашаривал
и связывал связь времен.

— вводимая дважды повторенной цитатой параллель с Радищевым акцентирует основную мысль стихотворения: диссидентство как универсальный, надвременный этический императив (а венчающая стихотворение другая цитата, из Шекспира, переводит мотив в экзистенциальную плоскость: этический императив как единственная возможность победы над

---

⁹ В первом приближении такое разделение соответствует предложенному Р. Чемберсом разграничению «функциональных» и «лирических» посвящений: Chambers, Ross. Op. cit. — P. 12. — однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что концепт «лирического» посвящения Чемберс конструирует иначе; к этому мы еще вернемся.

¹⁰ Горбаневская Н. Не спи на закате: Избранные стихотворения. — СПб., 1996. — С. 169.

временем). Однако выраженный в стихотворении комплекс идей, в общем и целом, считывается и так: привязка к текущему моменту (и, тем самым, временная дистанция по отношению к Радищеву) вводится уже третьей строкой («ленинский жест, как прожектор, нашаривал») и обрастает подробностями далее по тексту. Посвящение такого типа можно назвать *посвящением-персонализацией*: адресат посвящения — один из представителей того явления, носителей того свойства, о котором идет речь в тексте (несколько вульгаризируя, можно сказать, что посвящение этого текста, допустим, Вадиму Делоне никак не изменило бы конструкцию целого).

С этим примером удобно сопоставить другой — стихотворение Инны Лиснянской (1995)¹¹ с посвящением «А. И. Солженицыну»:

Что за мельник мелет этот снег,
Что за пекарь месит эту вьюгу?
Делается волком человек,
Волком воет да на всю округу.
Где же лекарь русскому недугу?

Ничего я нынче не пойму,
В голове ни складу и ни ладу.
Ломтик льда я за щеку возьму,
Глядь — и подморозится надсада
Хоть на миг... А большего не надо.

В общем и целом, без посвящения не вполне понятно, о чем идет речь: что, в самом деле, за мельник и что за пекарь? Посвящение Солженицыну как мыслителю, озабоченному вопросом о том, как обустроить Россию, и предлагающему на протяжении всех 1990-х годов для этого разнообразные рецепты, проясняет дело: «русский недуг» трактуется в стихотворении не как социальная или культурная проблема, подлежащая излечению по тем или иным рецептам, восходящим к «складу и ладу в голове», а как экзистенциальная обреченность стихийного свойства; в то же время в концовке стихотворения Лиснян-

---

¹¹ Лиснянская И. Одинокий дар. — М., 2003. — С. 288.

ская переворачивает саму проблему: требуется не прекратить вьюгу снаружи, а «подморозить надсаду» внутри¹², и средством для этого выступает малая часть внешней враждебной стихии, которую для этого необходимо принять вовнутрь себя. Полемический пласт обнажается в тексте именно в свете наличия у него посвящения — такой тип посвящения, проявляющий в тексте дополнительный (а то и основной) смысловой пласт, позволительно назвать *посвящением-ключом*.

К этому же типу тяготеет посвящение «Е. Суриц-Богатыревой» в стихотворении Геннадия Айги (1978) «Ты одна и цветы»¹³:

в горсти
из листьев
заскорузлых

живой среди зимы
во тьме
был свеж и чист
доверчив

цветок

(а жизнь была
весь год
то дело
то не дело
снова
дело)

вокруг

а он
спокойный
(и белеть не действующий)
он сквозь
(без окруженья)

---

¹² Глагол «подморозить» в контексте национальных судеб России, заданном благодаря посвящению, отсылает далее к известному афоризму Константина Леонтьева, чье идейное родство с Солженицыным уже обсуждалось (например: Нива, Жорж. Солженицын. — Лондон: ОРИ, 1984. — С. 207).

¹³ Айги Г. Продолжение отъезда. — М., 2001. — С. 32.

был
белее
чем
«белеть»
и «быть»

(исчезновение
было б
благом)

белый

Чисто лирическое стихотворение Айги, с характерным набором приемов (словесные повторы, членение отбивками на диспропорциональные строфоиды, уточнения в скобках) и частым у этого автора «цветочным» мотивом, вполне прочитывается само по себе, оставляя разве что легкий привкус недопонимания (название говорит об одиночестве женщины, в то время как в самом тексте говорится об одиночестве цветка). Однако текст приобретает иной смысл, если знать, что переводчик Елена Суриц — вдова переводчика Константина Богатырева, близкого друга Айги, погибшего в 1976 году при невыясненных обстоятельствах (считается, что он был убит по распоряжению КГБ): становится понятно, что цветок, наедине с которым остается в стихотворении данная в названии и почти не возникающая по ходу текста женщина, замещает и олицетворяет погибшего мужа. В отличие от предыдущего примера, где необходимая для понимания текста информация об адресате посвящения носила вполне общедоступный характер, здесь такая информация заведомо доступна не всякому читателю. Для стихотворения Айги релевантно общее положение о прагматике посвящения, предложенное Ильей Кукулиным, заметившим в ходе уже упоминавшегося круглого стола, что «посвящение делит аудиторию на две части: знающие адресата и не знающие его»¹⁴. Так функционирующее посвящение целесообразно, вероятно, выделить в особый тип: *посвящение-шифтер*.

«Переключение» из одного модуса понимания в другой при опознании адресата посвящения и связанных с ним кон-

---

¹⁴ Цитируется отчет о круглом столе информационного бюллетеня «Литературная жизнь Москвы» — см. <http://vavilon.ru/lit/mar01.html#1103>

нотаций в тексте происходит и тогда, когда этот адресат не назван прямо или полностью. Характерный пример — стихотворение Натальи Горбаневской (1987)¹⁵ с посвящением «И. Б.»:

Там, где пушкинская осень
над тосканскими холмами,
там, где лавровая прозелень сквозь позолоту клена,
теплый ветер октября, легкий парус корабля,
удивлённа и доверчива перед ангелом Мадонна.

Там, где стоптаны стопами изгнанничьими камни,
там, за гулом автострады, оправдание светает,
облака плывут на юг, в синем небе склянки бьют,
зорю бьют, опять из рук ветхий Данте выпадает.

Заподозрив за инициалами Иосифа Бродского, мы получаем возможность усмотреть в тексте аллюзии к его стихам («лавровая прозелень» — ср. «зелень лавра, доходящая до дрожжи»), хотя для опознания адресата большее значение, пожалуй, имеет в целом итальянский текст Бродского. Наложение «бродского» претекста в этом стихотворении на пушкинский превращает восьмистишие в оммаж (каковым оно и является: по воспоминаниям автора, стихотворение написано как непосредственный отклик на известие о присуждении Бродскому Нобелевской премии). Аналогичным образом работает посвящение «Е. Ф.» в стихотворении Линор Горалик (2007)¹⁶:

Наташа,
с которой была какая-то лабуда,
оказывается, не встаёт с постели четыре года.
Больше никто ничего не знает —
ни что за беда,
ни кто за ней там присматривает, подтирает,
ни, положим, нужны ли лекарства,
большие подузники, может, видеоплеер.
Даже не знаем, она болеет —

---

¹⁵ Горбаневская Н. *Op. cit.* — С. 245.

¹⁶ Горалик Л. Подсекай, Петруша. — М., 2007. — С. 32.

или просто легла и лежит, так ей нравится.
Кое-что было у нас с Наташей,
почти у всех, потому что Наташа была красавица:
не захочешь — а тронешь.
Почему-то всех нас бросила,
умерла из Москвы в Воронеж.

— семантическое поле «болезнь и её лечение» в совокупности с возникающим в качестве финального пуанта Воронежем как местом смерти позволяет читателю, следящему за современной поэзией, опознать в адресате стихотворения поэтессу Елену Фанайлову, врача по образованию и уроженку Воронежа, переместившуюся затем в обратном относительно героини стихотворения направлении, в Москву, — и это опознание усиливает заявленный в тексте Горалик мотив болезненного растождествления социокультурного единства, обозначаемого местоимением «мы», с выпадающей из него личностью, поскольку ряд заметных стихотворений Фанайловой середины 2000-х гг. сосредоточен на рефлексии по поводу выпадения личности поэта из некоторого социокультурного единства.

Очевидно, что посвящение текста другому литератору может функционировать не только как посвящение-ключ и посвящение-шифтер, но и как посвящение-персонализация. Например, стихотворение Инны Лиснянской (1997)¹⁷, посвященное Юрию Кублановскому:

Надейся на чудо, мы так оплошали с тобой,
Как только могли.
Гонимы братвой, но хранимы судьбой,
На дно залегли.

Утрата надежды — одна из горчайших утрат,
На жизненном дне
Есть уголь, — раздуем его, мой любезный собрат,
В словесном огне.

Иначе мы вновь оплошаем, и голый глагол
Подастся в бомжи.

---

¹⁷ Лиснянская И. Ветер покоя. — М., 1998.

... На Страшном суде я. И ангел ведет протокол
Безумной души.

— понятно, что в качестве собрата, причастного к раздуванию словесного огня, мог бы фигурировать как адресат посвящения любой другой ценимый автором поэт. Аналогичным образом устроено стихотворение Евгения Бунимовича «Поколение» с посвящением «А. Еременко» и многие другие тексты.

Однако появление литератора как адресата посвящения порождает и некоторые специфические возможности. Во всех разобранных выше примерах адресатом посвящения выступает, так или иначе, некоторая публичная фигура, человек в своей социально-биографической конкретности. Между тем, замечает Р. Чемберс, посвящение может еще и устанавливать интертекстуальную связь между посвящаемым текстом *in presentia* и текстом адресата посвящения *in absentia*, то есть, собственно, образом его типичного текста¹⁸. Обратимся к стихотворению Сергея Гандлевского (1983) «Отечество, предание, геройство...»¹⁹ с посвящением «Д. Пригову» (так, с одним инициалом, потому что к началу 1980-х гг. маска-аллоним «Дмитрий Александрович Пригов», с обязательным отчеством, еще не устоялась):

Отечество, предание, геройство...
Бывало, раньше мчится скорый поезд —
Пути разобраны по недосмотру.
Похоже, катастрофа неизбежна,
А там ведь люди. Входит пионер,
Ступает на участок аварийный,
Снимает красный галстук с тонкой шеи
И яркой тканью машет. Машинист
Выглядывает из локомотива
И понимает: что-то здесь не так.
Умело рычаги перебирает —
И катастрофа предупреждена.

Или другой пример. Несется скорый.

---

¹⁸ Chambers, Ross. Op. cit. — P. 14.

¹⁹ Гандлевский С. Опыты в стихах. — М., 2008. — С. 97.

Пути разобраны по недосмотру.
Похоже, катастрофа неизбежна.
А там ведь люди. Стрелочник-старик
Выходит на участок аварийный,
Складным ножом себе вскрывает вены,
Горячей кровью тряпку обагрывает
И яркой тканью машет. Машинист
Выглядывает из локомотива
И понимает: что-то здесь не так.
Умело рычаги перебирает —
И катастрофа предупреждена.

А в наше время, если едет поезд,
Исправный путь лежит до горизонта.
Условия на диво, знай, учись
Или работай, или совмещай
Работу с обучением заочным.
Все изменилось. Вырос пионер.
Слегка обрюзг, вполне остепенился,
Начальником стал железнодорожным,
На стрелочника старого орет,
Грозится в ЛТП его упрятать.

Легко увидеть, что ни прямо, ни косвенно литератор Дмитрий Пригов как *public figure* не является героем этого стихотворения. Адресат посвящения, собственно говоря, — автор Дмитрий Пригов, автор как корпус текстов, если следовать идеям Мишеля Фуко. В поэтике Пригова 1970—80-х гг. важнейшую роль играла травестия советских идеологических штампов в их повседневном бытовании, и Гандлевский здесь идет за Приговым, травестируя советскую героиню труда, идеологему «в жизни всегда есть место подвигу» и т. п. Финал стихотворения выводит к собственному сквозному для Гандлевского (пожалуй, чеховскому по происхождению) мотиву трагизма повседневности, однако это к нашей теме не относится. Мы же отметим здесь новый для нашего разбора тип посвящения — *посвящение-пародию*. Дадим еще один пример,

пам, библейские аллюзии — ср., например, фрагмент из Жданова²¹:

Этот город — просто неудачный
фоторобот града на верхах.
Он предьявлен цифрой семизначной
как права на неразъемный страх.

При этом Искренко слегка иронизирует над этой поэтикой, местами снижая ее гораздо сильнее, чем позволяет себе Жданов («и откровенно сполз под стол»), местами вводя нехарактерную для Жданова, но обычную в ее собственной поэтической практике паронимическую игру («Стокс переплывший Стикс»), используя диссонансную рифму и редкий в лирической поэзии разностопный размер. Это столкновение двух авторских манер в одном тексте неизбежно приобретает конфликтный, иронический характер, с наибольшей силой проявляющийся в финальных образах «толпы пророков» и реки без берегов (которые напрямую отсылают к важным для Жданова стихотворениям «Пророк» и «Плыли и мы в берегах...»).

От посвящения-пародии, адресатом которого является литератор как автор некоторого корпуса текстов, будем отличать еще один тип посвящения — *посвящение-аллюзию*, выступающее как способ обозначить апелляцию собственного произведения к более или менее определенному чужому произведению (иными словами, адресатом такого посвящения является литератор как автор конкретного произведения).

Максиму Бородину, вообще охотно экспериментирующему с перераспределением функций между заголовочным комплексом и собственно текстом, принадлежит, среди прочего, цикл стихотворений «Вавилон» (2003)²², в котором каждый текст посвящен одному из поэтов, близких к одноименному альманаху. Все тексты представляют собой записанные словами в столбик алгебраические равенства, т. е. предельно десе-

---

²¹ Жданов И. Фоторобот запретного мира. — М., 1997. — С. 46.

²² Бородин М. Вавилон // Вавилон: Вестник молодой литературы. Вып. 10. — М.—Тверь, 2003. — С. 73.

мантизированы, тогда как названия текстов — это достаточно развернутые художественные образы. Например, Кириллу Медведеву посвящен текст, называющийся «Деревья предпочитают оставаться на месте в разных частях города»:

икс в кубе
минус девять икс в квадрате
плюс икс минус девять
равняется
икс квадрат умноженное на
скобки икс минус девять
скобки закрываются
плюс икс минус девять
равняется
скобки икс минус девять
умноженное на
скобки икс квадрат плюс один

При ближайшем рассмотрении оказывается, что названия текстов построены на аллюзиях к сочинениям авторов, которым они посвящены: в данном случае название отсылает к следующему фрагменту стихотворения Медведева «мне кажется я почувствовал смысл пустоты...»²³:

здесь
рядом с монастырем
два дня назад
монахи вырубали деревья,
а я сначала
не обратил внимания на это
и прошел
прямо под деревом,
которое они уже надпилили
и которое
вот-вот должно было
рухнуть на тротуар; и вот,
когда я уже почти прошел то место, один монах,
стоявший чуть-чуть поодаль,

---

²³ Медведев К. Всё плохо. — М., 2000. — С. 13.

посмотрел на меня
и покачал головой,
потому что меня могло задавить
тем деревом,
которое они пилили;
и вот сейчас
проходя мимо
того места
я почувствовал
эту пустоту
надвинувшуюся на меня оттуда,
я ощутил
какую-то завораживающую брешь
на месте деревьев,
и в этот момент
я очень ясно представил себе
деревья, которые были на ее месте,
и на которые
я не обращал внимания
когда ходил мимо

Данный текст Медведева (как эмблематический его расценивает и критик Леонид Костюков²⁴) сфокусирован на центральной для всей постконцептуалистской поэзии рубежа 1990—2000-х гг. проблематике восполнения пустоты (прежде всего, дискурсивной)²⁵, однако Бородин придаёт медведевскому поиску оснований гораздо более явственный аффирмативный характер, приписывая деревьям (и через них, метонимически, медведевскому лирическому субъекту) волевою способность. Стоит отметить и то обстоятельство, что семантически опустошённый верлибр Бородина чередованием коротких и длинных строк воспроизводит ритмическое построение верлибра Медведева; сближает оба текста и обилие лексических повторов.

---

²⁴ Костюков Л. Абсолютно всерьез: О поэзии Кирилла Медведева // Дружба народов. — 2002. — № 3. — С. 192—198.

²⁵ См. подробнее: Кузьмин Д. Постконцептуализм: Как бы наброски к монографии // Новое литературное обозрение. — 2001. — № 4. — С. 459—476.

Тип посвящения-аллюзии способен, по нашим наблюдениям, давать весьма своеобразные мутации. Так, Михаил Нилин, интенсивно работающий с авангардистскими техниками ready-made и found-poetry, в ряде случаев ставит на тексте посвящение автору, чье сочинение послужило ему (подлинным или мнимым) источником:

[СЛЕЗЫ]

Юлии Бедеровой

«Филармоническое лицо
концертного сезона
размыто».²⁶

— имя музыкального критика Юлии Бедеровой подсказывает, что перед нами цитата из обзорной статьи о музыкальной жизни, превращенная Нилиным в трехстишие путем разбиения на строки и озаглавливания, от чего в несколько манерном сочетании двух речевых тропов (метафора «лицо сезона» подставлена в метафорический оборот «очертания сезона размыты») проявился вполне лирический образ, выглядящий в таком контексте достаточно пародийно (девушка плачет и лицо перед собой видит размытым).

* * *

Второй класс посвящений — «посвящения неизвестным лицам», строже говоря — посвящения, предполагающие отсутствие у читателя какой-либо предварительной информации об адресате посвящения.

Следующее стихотворение Евгения Бунимовича (1985)²⁷ имеет посвящение «Славе Анурову»:

Откачали воду в прудах.
Мы опять сидим на мели.

---

²⁶ Нилин М. 1993—1997. — М., 1997. — С. 17.

²⁷ Бунимович Е. Потому что живу. — М., 1992. — С. 29.

Как проходит время? В трудах.
Дети наши в школу пошли.

Наш непросыхающий брасс
надоел московским прудам...

Жены наши смотрят на нас
чуть трезвей, чем хочется нам.

Текст представляет некоторую конситуацию, соединяющую лирического субъекта с другим персонажем. Функция посвящения здесь состоит в том, чтобы предъявить текст как более интимный, приотворяющий щелку в приватное пространство автора (а следовательно, более убедительный), намекнув при этом на наличие в произведении неких скрытых смыслов, понятных только узкому кругу «своих» (т. е. лично знакомых с автором). Такое приписывание литературному произведению статуса частного высказывания, часть свойств которого принципиально нерелевантна для абсолютного большинства читателей, позволяет весь этот класс посвящений назвать *приватизирующими посвящениями*.

В приведенном примере содержательная прозрачность посвящения довольно велика: из текста хорошо понятно, что Слава Ануров — старый друг автора, вероятно, одноклассник, с которым его объединяет общее прошлое и некоторое смутное недовольство настоящим. Усилению такой прозрачности служит эксплицитное указание на те отношения, которые объединяют автора с адресатом посвящения, — вместо имени или наряду с ним. Стихотворение Геннадия Айги «Дар — роща берез» (1997) посвящено просто «Дочери»:

а друг мой а ребенок-друг
о том что может тяжелеть душа
доныне незнакомым образом
пришлось узнать отцу-что-друг —

«окаменеть» бы? — не было дано
освобожденье мне такое:

всезаполнением и всетвердостью чуткой
во мне ты мой ребенок был
настолько не оставив мне себя —

и далее, развивая тему психического саморастворения родителя в своем ребенке. В данном конкретном случае, впрочем, Айги вносит посвящением сложный дополнительный оттенок смысла: дело в том, что на протяжении всего текста пол ребенка никак не конкретизируется, и это отрешение от заявленной в заголовочном комплексе данности пола можно прочесть как самоопровержение (сознательное? бессознательное?): в действительности лирический субъект не отождествляет себя с дочерью без остатка, а, напротив, отождествляет дочь с собой вплоть до элиминирования гендерных характеристик.

Такой момент расподобления между лицом, являющимся адресатом посвящения, и персонажем, фигурирующим в тексте, зачастую возникает и в тех случаях, когда оба названы именем собственным — вернее сказать, разными его формами. На таком приеме строится, например, стихотворение в прозе Линор Горалик (2002)²⁸ с посвящением «Кате Андреевой»:

Катечка говорит: «Ты ведь можешь в любой момент у меня пожить, ты же знаешь, у меня и место есть, и всё, в любой момент, даже не задумывайся». Катечка говорит: «Это ты замоталась просто, так же тоже нельзя», — и я ей ладошку целую, — и так тоже нельзя, и я, конечно, задумываюсь, не раз задумаюсь еще. Катечка, так нельзя со мной, я ведь действительно могу прийти и в любой момент, и в неподходящий, и в страшный, в особо какой-нибудь страшный момент могу остаться пожить, а потом как? Мы же перепутаем всё, все наши свитера и маечки, хвостики от модемов перепутаем и наших мальчиков, ключи перепутаем и полотенца в ванной, будильники и подушки, а потом мне уходить пора будет, — как мы разберем всё это, на что поделим? Катеч-

---

²⁸ Горалик Л. Не местные. — М. — Тверь, 2003. — С. 20.

ка, говорю я, Катечка, спасибо тебе, только у меня, знаешь, сегодня в голове что-то кляцает, перебивается со звона на треск, с воды на хлеб, не сердись, говорю, Катечка, я неумная, я вчера оказалась неизвестно где, я и сейчас непонятно кто. Катечка, говорю я, я пожить к тебе приду, ты меня не выгонишь? Ну что ты, говорит Катечка, ну что ты, ну что ты, зайчик.

Настойчивое повторение лирическим субъектом имени «Катечка» акцентирует наше внимание на том, что в реальности существует (и является адресатом посвящения) вовсе не «Катечка», а Катя Андреева. Здесь имя собственное начинает функционировать по законам имени нарицательного — впрочем, этот сюжет выходит за пределы нашей темы.

Напротив, минимум содержательной прозрачности приватизирующего посвящения — там, где в тексте не содержится никаких указаний на конституацию и контекст. Выразительная миниатюра Яны Токаревой (2001)²⁹ с посвящением «Филе»:

взрослеть что залезать под душ ледяной
уж вроде бы и животом под ним и спиной
а всё какою-то пяткой страшно дышать
там наверно душа

— нет никаких объяснений, кому и почему посвящен этот текст. Посвящение такого типа функционирует как «зона непрозрачного смысла»³⁰ — в качестве маркера эмоционально-психологической подлинности.

* * *

Посвящения, не относящиеся явным образом ни к социализирующим, ни к приватизирующим, составляют, по-види-

---

²⁹ Токарева Я. Стихи // Вавилон: Вестник молодой литературы. Вып. 8. — М.—Тверь, 2001. — С. 116.

³⁰ См. подробно: Кузьмин Д. *Op. cit.*

тому, незначительное меньшинство в современной поэзии. В этой области также можно выделить два основных случая.

Посвящение адресату, который не может быть действительным участником коммуникации, — несколько огрубляя, скажем: неодушевлённому предмету, явлению или сущности, — функционально сближается с названием «субъектного» (по Л. Хуку) или «тематического» (по Женетту)³¹ типа, указывая на то, о чём далее пойдёт речь. Нередко такому посвящению соответствуют эксплицитные обращения в тексте (апеллятив несобственного второго лица по классификации Ю. И. Левина³²): выразительный пример находим у Сергея Круглова (2006)³³:

Церкви

Там, на закате,
Где готические иглы тёмное прободают небо,
Ты, говорят, луна.
Отражённым светом мерцаешь,
То жемчужно полна, то серповидна,
Чужда самой себе. Рефульгенция субобскура.

Здесь, у нас, — чаша неба ближе,
Тепла, лазорева. Совсем близко.
И здесь ты — подсолнух,
Тёплый, жёлтый, мохнатый,
Нелепый,
Только и годный, чтобы, вобрав в себя солнце,
Быть отданным на ликование ребятишкам.

— хорошо видно, как размещение слова «Церковь» именно в позиции посвящения, в сочетании с прямым обращением к ней во втором лице, представляет отношение лирического субъекта к предмету его высказывания как более близкое и эмоционально насыщенное, эмулирующее потенциал коммуникации там, где его не может быть. Именно так функцио-

---

³¹ Genette, G. Op. cit. — P. 75—76.

³² Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. — М., 1998. — С. 468.

³³ Круглов С. Зеркальце. — М., 2007. — С. 54.

нируют те посвящения у Бодлера («Креолке», «Прохожей» и т. д.), которые Р. Чемберс классифицирует как «лирические» (противопоставляя «функциональным» посвящениям Виктору Гюго и другим деятелям культуры): описываемые в последующем тексте персонажи всегда находятся вне коммуникативной досягаемости лирического субъекта, но эта коммуникация представляется в тексте как мыслимая и желаемая³⁴.

Однако дальнейшее движение в этом направлении приводит к противоположному эффекту: нарушающее конвенции и читательские ожидания замещение позиции посвящения подрывает связанную с этим элементом перитекста пресуппозицию коммуникативности. Так, в цикле Дарьи Суховой «Песни — неприкаянным» (2001)³⁵ в позиции посвящения встречаются, в частности, словосочетания «без посвящения», «с посвящением», «с абстрактным посвящением, / скрытым в тексте» — при том, что сводное посвящение всех «песен» вместе «неприкаянным» уже помещено в название цикла (а семанти-

---

³⁴ Стоит отметить, между тем, что «функциональные» (по Чемберсу) посвящения у Бодлера всегда остаются в позиции посвящения, а «лирические» всегда перемещены в позицию названия, — красноречивый факт, который Чемберс никак не комментирует. Перемещение одних элементов перитекста в позицию других и особенно в позицию названия должно было бы стать предметом отдельного исследования. Применительно к посвящениям особый интерес представляет их вынос за пределы перитекста данного стихотворения. Так, в многочастном стихотворении Дмитрия Соколова «Не свадьба, а женитьба» (Соколов Д. В. Конверт. — М., 1997. — С. 16—17) посвящения к каждой из пяти частей-главок составляют шестую главку «Список посвящений», т. е. посвящения перенесены из перитекста в текст. Напротив, в книге Андрея Санникова «Ангельские письма» (Нью-Йорк, 2011) посвящения ко всем стихотворениям вынесены в содержание книги, то есть из перитекста стихотворения — в перитекст композиционной единицы более высокого порядка, причем в такую его позицию, которая традиционно прочитывается как аллографическая (создаваемая редактором или издателем). Очевидно, что такие трансформации подразумевают решительное переопределение функциональной нагрузки на посвящение.

³⁵ Суховой Д. Стихи // Вавилон: Вестник молодой литературы. Вып. 9. — М. — Тверь, 2002. — С. 83.

ка неприкаянности включает в себя и мотив коммуникативной неуспешности)³⁶.

Пределным, вырожденным случаем являются посвящения, единственной функцией которых является замещение валентности посвящения в структуре текста. Выразительный пример — палиндромические минипьесы Витольда Либо, в которых посвящение восполняет до палиндрома какой-либо функционально более необходимый элемент текста, чаще всего — жанровое обозначение: так, пьеса «Хутор протух» получает у Либо жанровый подзаголовок «Нетрагедия» и, в связи с этим, посвящение «Иде Гартен»³⁷.

* * *

Было бы преувеличением ожидать появления и становления особой «дедикологии», однако название на всякий случай следует зарезервировать: сконструировавший для изучения названий термин «титрология» Клод Дюше³⁸ тоже, вероятно, первоначально ни на что не рассчитывал. Естественно предположить, что в рамках этой микродисциплины необходимо будет добиться известного баланса между сравнительно-историческим и структурно-семантическим подходами. Пока, можно сказать, первый заметно преобладает — и эта диспропорция требует устранения.

---

³⁶ Вероятно, первым такое минус-посвящение реализовал Сергей Нельдихен, предварив свою книгу «Органное многоголосье» (1922) тремя строками: «И все-таки нет никого, / кому радостно мог бы посвятить я / книгу мою» (Нельдихен С. Е. Органное многоголосье. / Сост., подг. т-та и прим. М. А. Амелина. — М., 2013. — С. 171). Квалификация составителем новейшего переиздания этого текста как эпиграфа представляется неточностью.

³⁷ Антология русского палиндroma, комбинаторной и рукописной поэзии / Сост. Г. Лукомникова и С. Федина. — М., 2002. — С. 49.

³⁸ Duchet, Claude. La Fille abandonnée et La Bête humaine, éléments de titrologie romanesque // Littérature. — Vol. 12, No. 12, 1973. — P. 49—73.